

Автор - Сергей Шилкин, Салават (Россия).

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Бермудский треугольник

□ *В.Набокову*

Во времена душевных смут,
Когда ни Тора, ни Талмуд
Не помогли – в воде Бермуд
Искал я тщетно вдохновенье.

Усугубляя мой раздрай,
Гудел вдали тростник – «курай».
Вдруг предо мной забытый рай
Явился чудно на мгновенье.

Раздвинув стык бермудских плит,
Взмыл столб, сиянием облит.
Из вод торжественно Лилит

Взошла – вся в кипенном шампанском.

Я был растерян и нелеп,
Как обронивший сыр и хлеб
Со древа вран, и, взыв, «ослеп»
на береге гибельном, «гишпанском».

Урчал прибой, как злой манул.
Я липкий пот со лба смахнул.
Диск солнца в море потонул –
Покой в лазурных водах канул.

Фантасмагория, бурлеск.
Шипел зловеще пены всплеск.
И дух – как мокрой кожи блеск –
Огнём ирид жемчужных гранул
Во тьме таинственно витал.

Тлел в бездне, булькая, металл.
Меня смертельный хлад обдал
Из приоткрытой преисподней.

Насквозь от страха я промок.
На ноги будто кто замок
надел – я сдвинуться не мог
в тот незабвенный день Господний.

Прамать языческих Венер
С французской лёгкостью манер
С меня стянула пуловер –
Затрясся я, как юный школьник...

...Но, в духе древнего лубка,
Призвал срамного голубка
Невинной прелестью лобка
Любви Бермудский треугольник...

Апокриф

Закат разгорался корой апельсинной.
Шёл кто-то в хитоне и в тихом глаголе
Услышал я шелест печальной осины:
«Глумиться над тенью моею доколе

Вы будете, люди? Мне всё надоело –

Для вас я изгой. И предатель – опять я...
Я, ревностью движимый, будто Отелло,
Любимого Равви довёл до распятия».

Жевал он, в раздумьях, подвяленный бетель.
«Так лучше для всех. Всё случилось, как надо».
Во тьме его лик был пугающе светел.
Вдали грохотала грозы канонада.

Взъярилось, как зверь, Галилейское море,
Кидаясь на берег стеною прилива.
На ссохшейся в жарких ветрах сикоморе
В гнезде воронёнок сидел сиротливо.

Меня от подобных речей зазнобило,
Волной окатило холодного пота.
В зарницах сверкал храм Святого Ампила.
В миру завершалась Святая Суббота.

Испуг и сомненья меня одолели.
Бубнил он на идиш. Ни слова иврита.
Глаза его тиной болотную тлели.
На шее был шрам, и щека не добрита.

«Вы сгнули в бездну, как некогда Китеж.
Нам больше, Апостол, прошу Вас, не врите...»

Иуды всегда говорили на идиш.
С Израилем Бог говорил на иврите.

Гранитная фреска

Пёстрый люд – народов скопище.
Звон трамваев менестрелевый.
Над рекой громадно скобище –
Мост летит к «избе» Растреллевой.

И сплелись чугунным кружевом
Форт и чудо Эрмитажево.
Всё сакрально здесь – и даже вот
Шпиль золотой – хоругвь Хорунжего
И для ангела пристанище.
Пик горящий виден издали.

Вдоль по набережной – зданища.

Большинство их – «made in Italy».
Крепость, Сад, Синод, училища –
Вы Петром Руси завещаны.

В землю вгрызлись русла трещины –
Мутных вод Невы вместилища.
Строить здесь – затеей дерзкою
Было, но Петром объявленный –
Всем врагам назло заявленный –
Град стоит гранитной фрескою,
На болотных мхах проявленной.

